

Маркелова Софья

Жертвенница

16+

Софья Сергеевна Маркелова

Серповница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66690574

SelfPub; 2022

Аннотация

Пшеничное поле, завораживающее и безмолвное, расстилается до самого горизонта, будто безбрежное море. Тяжелые колосья клонятся к самой земле, и солнечный жар ласкает их тонкие стебли. Посреди золотого царства стоит старая яблоня, в корнях которой зарыт клад. Вот только оберегает его суровая хозяйка нивы, которая не терпит воров. Обложка для рассказа создана нейросетью.

Софья Маркелова

Серповница

Ветер гудел меж старых деревянных домов, хлопая скрипучими распахнутыми настежь калитками и створками ворот. Хлесткие потоки воздуха вздували пламя костра, разожженного посреди одного из дворов и выстреливавшего в темное ночное небо яркими янтарными искрами. Отовсюду раздавался пьяный гогот и свист, протяжное звучание гармошки и чьей-то расстроенной гитары. Несмотря на поздний час, вся деревня гудела: время уже было далеко за полночь, но ведь не каждый же день удавалось выдать замуж самую старую деву во всех ближайших поселках. И это событие праздновали со всей радостью, вытащив на улицу длинные деревянные столы, накрыв их всякой снедью и выставив достаточно самогона, чтобы торжество продолжалось до самого утра.

Пышнотелая и немолодая невеста, крепко сжав локоть своего избранника, сидела во главе одного из столов, и взгляд ее подведенных глаз то и дело возвращался к тонкому золотому ободку кольца, которое теперь украшало толстый пальчик. Во взгляде этом читалась причудливая смесь счастья и неверия, и новоявленная жена с каждой минутой лишь сильнее и сильнее впивалась ногтями в руку своего худосочного мужа в потертом пиджаке с чужого плеча.

Вокруг то и дело сновали приглашенные гости: половина окрестных деревень собралась на празднество, и пока одни сметали с тарелок закуски, другие, приложившись к нескольким стопочкам, уже вовсю танцевали вокруг разожженного костра или водили хороводы с молодыми девушками под гитарные ритмы. Собаки так и норовили стащить что-нибудь со столов, а под ближайшим забором уже лежало несколько упившихся вусмерть мужиков, растянувшихся на зеленой траве и оглашавших ближайшее пространство трескучим храпом.

Все гуляли, наслаждаясь последними погожими летними деньками, веселились от души на большой и шумной свадьбе, набивали животы угощением и обжигали губы выпивкой. В этой живой толпе, в гуще общего торжества без улыбки на лице бродил только один человек, на которого никто и не обращал особенного внимания. Шестнадцатилетний Егор слонялся где-то на границе света и тьмы, засунув руки в карманы, будто происходящее его совершенно не волновало. Хотя, по сути, так и было.

Голову этого юноши раздирали на части противоречивые мысли, связанные в основном с предстоящим скорым отбытием в город и полным отсутствием каких-либо денег. Летние каникулы подходили к концу, скоро должны были возобновиться занятия в школе, а Егор переживал из-за своих пустых карманов. В новом учебном году, наверняка, у половины парней в его классе уже появится свежая модель PSP,

в то время как ему ни единого рубля не удалось накопить на модную игровую приставку, а старая консоль разбилась еще несколько месяцев назад и не подавала больше признаков жизни.

Мать на все просьбы о карманных деньгах безразлично пожимала плечами, а дед, у которого Егор и проводил летние каникулы каждый год, предпочитал порадовать внука миской свежих ягод или дешевыми леденцами, а вовсе не купюрой. И теперь парень украдкой оглядывал пьяных и кругами бродил вокруг заставленных снедью столов в надежде отыскать хоть какую-нибудь выпавшую монетку, позабытый в пиджаке бумажник или же оставшиеся со свадебного выкупа деньги на земле. Он бы, может быть, даже не отказался незаметно украсть один из свадебных подарков, разложенных на выставленном перед домом молодоженов столе, вот только там предусмотрительно был выставлен неусыпный страж: подвыпившая свекровь ни на минуту не отходила от горы свертков и провожала каждого гостя подозрительным взглядом маленьких запавших глубоко внутрь черепа глаз.

Егор раздосадовано пнул мыском ботинка клочок травы и присел на край лавки, приставленной к одному из праздничных столов. Кругом валялись огрызки, кости, крошки, и вся скатерть была покрыта жирными пятнами салатов. Чуть в стороне от парня за тем же столом худощавый мужчина с обвислыми усами с аппетитом копался ложкой в массив-

ной чаше с салатом, периодически прикладываясь к рюмке водки. По правую руку от него сидела жена с желтоватым желчным лицом, кутавшаяся в цветастую шаль, хотя вечерний воздух вскипал от тяжелого зноя разведенного во дворе костра и жара вспотевших человеческих тел, сплетавшихся в диких пьяных танцах.

– Боря... Борь! – Женщина потрясла за плечо своего супруга. – Хватит жрать-то!

– Чего ты пристала, Люб? Дай мне поесть спокойно, – нехотя откликнулся мужчина, вновь опуская ложку в салат и набирая порцию побольше.

– Тебе бы только пожрать да выпить!

– Ну, свадьба же хорошая. Чего бы и не поесть от пуза, а?

– Ты хоть слышал, что я тебе минуту назад говорила? Или за своим свинским чавканьем вообще ничего не различил?

– А ты о чем-то важном трещала, Люба? Или как обычно?

Женщина сжала губы, едва сдерживаясь, чтобы не ответить пьяному супругу оплеуху. Егор же, сидевший неподалеку, лишь закатил глаза и отвернулся в другую сторону, не особенно желая прислушиваться к чужой перебранке. Он надеялся стащить у захмелевшего Бори сотню, выглядывавшую из заднего кармана брюк, но, судя по всему, его жена непременно заметила бы подобный маневр. И парень решил подождать, пока Люба куда-нибудь отойдет.

– Малину нашу опять паутинный клещ пожрал! Все листья пожелтели, – с досадой произнесла женщина, многозна-

чительно взглянув на мужа.

– Дык кучно посадили, говорил же тебе еще тогда, – пробурчал ей в ответ Боря, не отрывая взгляд от ложки.

– Ты мне тут давай... Это самое!.. Рот не открывай! Я лучше знаю.

Дом Егора и его деда располагался на самом краю деревни и единственным примыкавшим к нему участком оставался двор семьи Манихиных, которые как раз и бранились сейчас за праздничным столом. Муж с женой постоянно то оглашали окрестности поселка своими криками, скандаля по любому поводу, то осваивали новые методы ведения сельского хозяйства, а юноша был вынужден довольно часто все это слушать, так как участки располагались вплотную друг к другу, а забор между ними давно разваливался на куски. И даже на свадьбе не было спасения от этих скандалов.

– Нужно за новыми кустами съездить на выходных, – решительно объявила женщина, перебирая пальцами бахрому шали.

– Дык откуда же я тебе деньги возьму?

– А ты что, опять весь аванс в машину свою разваливающуюся втюхал?! Говорила же, хватит это ведро ржавое чинить! Есть куда более важные вещи, на которые надо деньги потратить.

Мужчина промолчал, решив ничего не отвечать жене. Егор же скромно сидел в стороне и от скуки дул на длинного паука, случайно оказавшегося на краю стола. Спугну-

тый холодным дыханием паук бегал по скатерти в поисках укрытия, высоко задирая свои несуразные лапы.

– Ты куда похоронные деньги дел, которые свекровь тебе дала? – резко понизив голос, спросила Люба, придвинувшись ближе к мужу. – Хотя бы их не растратил на машину, бестолочь? Или уже пропил их вместе с дружками, а?

– Не. Эти прикопал, чтобы соблазна не было, – пробормотал Боря себе в усы.

– И где?

– Да там, за деревней, на пшеничном поле, – нехотя ответил супруг, понимая, что отвертеться от жены уже не получится. – Под старой яблоней.

– Нашел где закопать! Поближе не мог что ли?

– Ну так специально, чтобы лень идти туда было.

– А если кто выкопает случайно? – Люба засверкала глазами. – Заметит свежую землю, следы и решит проверить!..

– Никто туда не сунется. Это поле многие стороной обходят, нехорошее оно. Так что для денег надежнее места нет, – уверенно проговорил Боря, не повышая голос.

– Ты мне зубы не заговаривай всякими байками. Скоро пшеницу убирать уже будут, могут и твой схрон заметить. Так что иди и выкопай все обратно. Твоя мать, эта гримза старая, еще лет десять проживет, скопит себе новые похоронные. А нам деньги нужны сейчас.

– А что же я ей скажу? – растерялся мужчина. – Куда ее сбережения дел?

– Скажешь, что украли у нас, Боря. Всему тебя учить надо! А мы себе зато малинки прикупим и крышу, может, подлатаем. А то все капает и капает, зараза эдакая! Сил моих больше нет на нее!..

– Дык как-то это нехорошо... похоронные деньги красть у матери своей же.

– А тебе что важнее, покойнице гроб поудобнее да подушку помягче выбрать, или же жене здоровой жизнь облегчить? Ну, отвечай?! – прикрикнула супруга, показав сжатый кулак.

– Жене, наверное...

– Вот-вот. Так что утром, как протрезвеешь, чтобы первым делом на поле пошел. Понял меня?

– Да понял-понял...

Боря сгорбился над своей тарелкой и угрюмо принялся копать ложкой в холодной еде. А Люба продолжила ворчать на мужа, обвиняя его в нерасторопности и глупости. И только Егор, без движения замерший на своем месте, боялся даже вздохнуть лишний раз или шелохнуться, чтобы не обратить на себя внимание. Он никак не ожидал, что сумеет подслушать подобное!

Шумные и суетливые соседи парню никогда особенно не нравились, и в какой-то степени он был даже рад возможности доставить им хоть какое-то неудобство. Да еще и так, что никто бы ничего не узнал. Скромные ростки совести юноша вырвал из своего сердца сразу же: эти деньги все равно собирались потратить на всякие бесполезные кусты малины

и мелкий ремонт, а вот Егор бы непременно нашел им лучшее применение. И первым делом он бы купил себе новую игровую приставку, самую последнюю модель. Можно было больше не ползать на коленях по траве, собирая монетки, и не таскать из карманов зазевавшихся соседей мятые купюры. Наконец!

Через четверть часа Манихины все же вышли из-за стола. Люба заставила мужа оторваться от еды и потанцевать с ней под звон гитары. Все это время Егор старательно притворялся спящим, положив руки на стол и опустив на них голову. Едва соседи отошли к костру, ближе к музыкантам и пьяно хохочущим гостям, парень резво поднялся на ноги и устремился в сторону своего дома, сливаясь с тенями и старясь выбирать самые темные тропки.

Идти ночью на пшеничное поле, лежавшее далеко за деревней, было не самой лучшей идеей: во мраке легко можно было переломать себе ноги. И Егору едва хватило выдержки, чтобы дождаться рассвета. Несколько часов он просидел на своей кровати, прислушиваясь к храпу деда, спавшего на пузатой белой печке. А стоило показаться первым солнечным лучам, юноша завертелся по дому, как юла, натягивая обувь и пытаясь отыскать под лавкой маленькую саперную лопатку. Шум разбудил деда, и тот, лениво потягиваясь, с интересом взглянул на деятельность внука, который обыкновенно вставал с кровати не раньше полудня.

– Егор, – окликнул парня старик. – Ты далеко собрался-то

в такую рань?

– А! – Юноша неосознанно вздрогнул и повернулся к печке. – Дед, я это... Лопатку ищу твою. Не помнишь, где она лежит?

Дед с кряхтением спустился на пол и, шлепая босыми ногами по холодным половицам, подошел к дальнему сундуку, покрытому хлопьями старого лака. Он заглянул под тяжелую крышку и через минуту протянул Егору искомую лопату.

– Ага. Спасибо, – на ходу бросил парень, уже собираясь покинуть избу.

– Постой, живчик! Куда собрался-то, скажи хоть!

– Ребята меня на рыбалку позвали, – даже не изменившись в лице, соврал Егор. – Просили червей накопать.

– Да ты хоть знаешь, какие жирные черви у меня возле компостной ямы водятся? – с воодушевлением воскликнул старик, а его глаза загорелись радостным блеском. – Самое то на рыбалку!

Дед принялся спешно натягивать одежду, желая показать внуку тот уголок двора, где можно было накопать отличных червей. Давно он не замечал в Егоре страсти к простым деревенским развлечениям, любимым всеми детьми и подростками. Последние годы, кроме новомодных приставок, в руках у внука ничего иного и не было, а деду хотелось, чтобы юноша научился хоть на время отрываться от экрана и любоваться красотами природы, гуляя на каникулах с другими

ребятами.

– Не-не, – отмахнулся Егор. – Мне на пшеничном поле за деревней копать сказали. Говорят, что там черви самые лучшие. Да и встретиться мы все там договорились. На Каменку пойдем потом.

Дед заметно расстроился и приуныл. Даже его окладистая седая борода перестала топорщиться.

– Зря вы к полю тому сунуться хотите, ребятки, – неожиданно серьезно заговорил старик, а в голосе его послышалась тревога.

– Почему это? – заинтересовался Егор, замерев на месте.

– Нехорошее это место. Люди там часто пропадают.

– Я слышал всякие байки об этом поле, – протянул парень. – Да только это же детские глупости.

– Глупости, может, и глупости, а вот в знойное время бывать там и правда не стоит. Людская молва так просто дурным место не станет называть.

Солнце давило своим жаром на голову, иссушало почву. Казалось, даже тени уже нигде не осталось – выжег яркий свет всю прохладу и темноту, в которую можно было бы нырнуть хоть на время и переждать знойную пору. Шагая вдоль раскидистой нивы, Егор лениво прикрывал глаза рукой от света, а сам постоянно оглядывался на янтарные волны колосьев, окружавших дорогу со всех сторон и подрагивавших от любого слабого дуновения ветра. Широкое пшеничное поле

тянулось до горизонта, размытое и необъятное.

Ноги еле слушались, и тело все тяжелело и тяжелело с каждым шагом, налитое усталость, как свинцом. Путь до соседней деревни широкой двухколейной лентой убегал вперед, поднимаясь на холмы и исчезая за крутыми поворотами. Идти Егору вдоль этой дороги было далеко, а он уже весь вымок насквозь, так еще и голову нагрело. Вот только спастись от солнца не представлялось возможным – ни деревца в округе не росло, ни куста не было, чтобы под ними укрыться. Только желтая нива волнами вздымалась всюду, куда ни глянь.

«Поле это широкое-преширокое, безбрежное, золотистое, как солнечный свет. Аж переливается все!.. Шумит, колыхается трава на нем, будто единая живая душа, скованная летним жаром. Во все стороны пшеница стелется, до самого горизонта, и только чистое небо давит сверху на царство желтизны... Забредет сюда человек – потеряется, заплутает в густых зарослях, что ноги ему опутают стеблями. После ляжет на землю, прислушается к шелесту ветра, да и пропадет. Никому больше отыскать его не удастся. Потому как поле его заберет», – так говорили старики во всех окрестных селениях об этом пшеничном поле, раскинувшемся в долине вдоль речки Каменки.

Да Егор и сам знал – что-то неладное творилось с этим местом: он не раз и не два в детстве блуждал в золотистых волнах, заплутав средь высоких колосьев, или же засыпал прямо

там, на примятой траве, хоть и не чувствовал сонливости. Но каждый раз бог его миловал, ничего дурного не происходило. Хоть страшно всегда было там ходить, будто следил кто-то исподтишка.

И потому теперь он ступал по дороге, никуда в сторону не сворачивая, как бы ни манила его желтая нива. Нельзя было подчиняться этому зову.

Нескоро вдаль показалось темное пятно, вздымавшееся над золотистыми валами. Высокое старое дерево, расправившее свои длинные спутанные ветви над землей, хорошо было заметно на большом расстоянии. Единственная на километры вокруг яблоня, в корнях которой и зарыл свои деньги Боря, была конечной точкой пути Егора.

Он оглянулся по сторонам и долго смотрел вдаль, куда убегала полоса дороги. Ни единой живой души. От пшеницы, тяжелыми складками раскинувшейся до горизонта, веяло спокойствием. Мягко покачивались колосья, убаюкивая разум. Все поле казалось тихим и безмятежным.

Свернув с дороги в шелестящую траву, мгновенно опустившую ноги, Егор двинулся напрямую, намереваясь скорее пересечь ниву и добраться до дерева. Пшеница ластилась к телу, гладила руки юноши, манила прилечь на землю и отдохнуть. Делать каждый шаг становилось все тяжелее, то ли из-за того, что приходилось протаптывать тропу, то ли из-за жары. И когда Егор, уверенный, что скоро уже подойдет к яблоне, обернулся, то на мгновение очень удивился – он сто-

ял посреди золотистого моря, и нигде не виднелось ни кромки леса, ни ленты дороги.

Где-то вдаль раздался протяжный звонкий крик, медленно сходящий на нет, будто какая-то птица горько плакала. И после наступило глубокое молчание и тишина, ничем не прерываемые. Не было ни ветра, ни иных звуков, даже пшеница не шелестела.

Егор сглотнул и опасливо начал озираться по сторонам. Но он был в после один, как и прежде, хотя теперь в его душе поселился какой-то странный испуг и неясное предчувствие беды. Едва справляясь с собственными ногами, которые стали неподъемными и цеплялись за стебли, путаясь в траве, Егор побрел дальше. Неожиданная усталость погребала его под собой. Земля так и манила прилечь отдохнуть, втянуть терпкий запах злаков, готовых к жатве, и заснуть на несколько часов, пока полуденный зной не исчезнет.

«Нет!» – подумал Егор, резко бросаясь бежать к маячившей впереди яблоне.

Нельзя было останавливаться в этом проклятом поле. Здесь явно что-то было не так: сама почва под ногами будто дышала, а колосья тянулись к юноше. Он упал на колени возле самых корней яблони как подкошенный, тяжело дыша и обливаясь потом. Будто не пересек поле, а вспахал его.

Едва заметный участок вскопанной земли под самым деревом Егор различил сразу же. Вооружившись лопатой, парень с усердием принялся копать, отбрасывая в сторону чер-

ные влажные комки земли. Он так торопился скорее добраться до клада и убраться с этого пугающе тихого поля, остервенело раз за разом вспарывая лопатой почву, что забыл о бдительности.

Краем глаза Егор заметил смутную тень, что возникла в его поле зрения. Остановив свое лихорадочное копание, он выпрямился, переводя дух, и прищурился.

В жарком летнем мареве, поднимавшемся над полем, далеко на окраине нивы замерла чья-то темная фигура. На таком расстоянии трудно было сказать, стояла ли она на месте или же двигалась в какую-то сторону, но одно уже появление кого-то чужого на поле обеспокоило Егора. Он принялся копать в несколько раз усерднее, надеясь успеть незамеченным выбраться из пшеницы с уловом в руках.

Лопата звонко ударила по металлической поверхности. Ржавая банка из-под кофе показалась на дне выкопанной ямы, и парень, едва сдерживая волнительную дрожь в руках, пальцами стал разгребать черную землю вокруг клада. Едва жестянка оказалась у него, Егор сразу же опасливо посмотрел в ту сторону, где раньше заметил неясный силуэт.

Фигура приблизилась. Теперь она стала гораздо больше, и явно можно было различить, что это оказалась какая-то худая старуха, волоком тащившая за собой объемный мешок. Ступала она медленно и совершенно бесшумно, пробираясь сквозь пшеничное поле как раз к старой яблоне, где испуганно замер Егор, сжимавший в руках драгоценную находку.

«Кто бы это ни был, но деньги теперь мои!» – злорадно подумал юноша и открыл искореженную коррозией банку из-под кофе.

Внутри тугим рулончиком были свернуты купюры, и парень сразу же сунул их себе за пазуху. А банку бросил в разрытую яму и ладонями принялся обратно засыпать землю. Пот лился ему на глаза, и он каждые несколько секунд раздраженно вытирал испачканным запястьем лоб, оставляя на нем грязные разводы.

В спешке бросив взгляд в сторону фигуры старухи, Егор неожиданно замер на месте, не в силах пошевелиться.

Она подошла к нему уже достаточно близко, чтобы парень мог хорошо рассмотреть, кто же это был. Но тем страшнее и чудовищнее показался юноше облик надвигавшейся женщины.

Она ступала медленно, с усилием волоча за собой тяжелый мешок. И чем ближе подходила старуха к яблоне, тем выше и жутче становилась ее фигура. И вот уже не человек, но нечто необъяснимое надвигалось на Егора, с побелевшим лицом сидевшего на земле. В несколько раз превышая ростом любого из самых высоких людей в округе, худая и бледная старуха в истлевшей белой одежде, едва прикрывавшей ее безобразное тело, двигалась вперед и смотрела прямо на то место, где в пшенице спрятался вор, пришедший в ее владения. С головы вместо волос до самых плеч у нее спадала жухлая черная трава, облепившая неестественно прозрач-

ную кожу, а обвисшие высохшие груди, покрытые островками жестких черных волос, почти щетины, оттянулись до самого живота. В одной руке этот призрак, будто явившийся из самых отвратительных кошмаров, сжимал горловину мешка, в другой же нес крупный остро наточенный серп, поблескивавший лезвием в солнечных лучах.

Егор не чувствовал собственных ног от страха, обуявшего его. Он почему-то знал, что старуха шла именно по его душу, что она была в курсе денег, припрятанных за пазухой, и ничего хорошего парню не желала.

– Я поделюсь с тобой! – вскочив на ноги, закричал Егор, хоть его горло и сжимала волна удушливого ужаса.

Старуха даже не вздрогнула. Так и продолжила медленно и неизбежно ступать вперед, не сводя темный взгляд с лица юноши.

– Отдам половину прямо сейчас!

И вновь ни ответа, ни даже звука. А к тому моменту расстояние между Егором и пугающей фигурой сократилось до нескольких метров, и какое-то безумное желание жить внезапно всколыхнулось в душе парня. Он развернулся и побежал. Бросился в гущу пшеницы со всех ног, в ужасе распахнув рот и вытаращив глаза, не в силах даже нормально вздохнуть или закричать.

Холодные и цепкие пальцы схватили его за волосы так жестко и внезапно, что Егор споткнулся и почти упал, если бы жуткая старуха не держала его голову своей неестествен-

но длинной рукой. Призрак был теперь так близко, что парень чувствовал удушливый запах гнили, витавший в воздухе. Высокая фигура нависала над юношей скрюченным деревом с узловатыми вытянутыми конечностями.

Егор резко дернулся вперед, оттолкнув руку старухи. Ее кожа, гладкая и скользкая, как у рыбы, на секунду обожгла парня холодом. В пальцах у фигуры остался клочок русых волос, но Егора это не волновало. Он, обезумев от ужаса, пытался спастись, бросившись вглубь пшеничного поля.

Но колосья цеплялись за его ноги, оплетали их крепкой паутиной стеблей, не позволяя сделать ни шага. И юноша падал на землю раз за разом, разрывая траву, чтобы через мгновение она вновь облепила его плотным коконом.

Когда жесткая костлявая рука легла ему на голову, Егор закричал от безысходности, в отчаянии осознав, что больше вырваться и убежать у него уже не получится.

Старуха крепко схватила парня на волосы, поднимая на ноги и склоняя к нему свое бледное лицо, поперек которого змеился кровавый рубец рта. Она распахнула губы, блеснув крупными железными зубами в лучах солнца, и длинный красный язык, покрытый смердящей черной слюной, выпал у нее изо рта, изогнувшись червем.

Лезвие серпа молнией скользнуло к горлу Егора, впившись в плоть и отделяя голову от шеи. Безжизненное тело кулем повалилось на землю, кровь толчками выходила из него, впитываясь в черную почву, увлажняя ее. Старуха сунула го-

лову в свой объемный мешок, где лежали сгнившие черепа поджигателей и воров, осмелившихся прийти на земли серповницы. Она медленно развернулась и двинулась туда, откуда появилась. Фигура ее становилась все бледнее и прозрачнее, пока полностью не превратилась в высокий черный вихрь воздуха, пролетевший над золотистыми волнами пшеницы. Через несколько минут не стало и его, поток растворился в жарком мареве.

Жирная черная почва забрала обескровленное тело Егора. А налитые колосья, клонившиеся к земле под своей тяжестью, укрыли притоптанное место, обогренное свежей кровью, навсегда утаив его от чужих глаз.